

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-030-045

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОКРУГ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА

(Часть 2. Правовые трактовки и противоречия)

Павел Андреевич ГУДЕВ¹, Игорь Олегович МИШИН²

^{1,2} ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия,

¹ gudev@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-6313>

² mishin@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-1319>

Аннотация: Китай, настаивая на неприменимости определения «международные воды» ко всему Тайваньскому проливу, особенно подчеркивает из каких морских зон суверенитета и юрисдикции преимущественно состоит его акватория – территориальное море и исключительная экономическая зона. В статье подробно рассматриваются те ограничения, которые существуют как на уровне национального законодательства КНР, так и со стороны других государств, касающиеся реализации права мирного прохода иностранных военных кораблей через территориальное море. Кроме того, показано, как осуществление различных видов военно-морской деятельности, включая разведывательную, в пределах исключительной экономической зоны прибрежного государства стало тем камнем преткновения, который поделил те или иные страны на два противоположенных лагеря. КНР и США, в данном случае, являются главными антагонистами по этой проблематике. Делается вывод о том, что наличие этих противоречий, которые не удалось согласовать даже при международном посредничестве, существенным образом увеличивают уровень конфликтности как в Южно-Китайском море в целом, так и в акватории Тайваньского пролива – в частности.

Ключевые слова: *Мировой океан, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Тайваньский пролив, право мирного прохода, международный обычай, военно-морская деятельность, разведывательная деятельность, исключительная экономическая зона, суверенитет, юрисдикция, мирное использование, Устав ООН*

Для цитирования: *Гудев П.А., Мишин И.О. Американско-китайские противоречия вокруг Тайваньского пролива (Часть 2. Правовые трактовки и противоречия) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 4, № 4 (57). С. 30–45. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-030-045*

Original article. Political science

AMERICAN-CHINESE CONTROVERSIES AROUND THE TAIWAN STRAIT (Part 2. Legal Interpretations and Controversies)

Pavel A. GUDEV¹, Igor O. MISHIN²

^{1,2}Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

¹ gudev@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-6313>

² mishin@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-1319>

Abstract: China, while insisting that the definition of "international waters" does not apply to the entire Taiwan Strait, especially emphasizes which maritime zones of sovereignty and jurisdiction predominantly comprise its water area - the territorial sea and the exclusive economic zone. The article examines in detail the restrictions that exist both at the level of national legislation of the PRC and on the part of other states concerning the exercise of the right of innocent passage of foreign warships through the territorial sea. In addition, it shows how the implementation of various types of naval activities, including reconnaissance activities, within the exclusive economic zone of a coastal state has become the stumbling block that has divided certain countries into two opposing camps. The PRC and the United States, in this case, are the main antagonists on this issue. It is concluded that the existence of these contradictions, which could not be agreed even with international mediation, significantly increases the level of conflict both in the South China Sea in general and in the waters of the Taiwan Strait in particular.

Keywords: *World Ocean, Taiwan Strait, PRC, U.S., 1982 UN Convention on the Law of the Sea, international waters, territorial sea, exclusive economic zone, right of innocent passage, right of transit passage, straight baseline*

For citation: Gudev P.A., Mishin I.O. American-Chinese Controversies around the Taiwan Strait (Part 2. Legal Interpretations and Controversies). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, T. 4, № 4 (57). Pp. 30–45. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-030-045

Окончание. Начало в: Том 3, № 3 (56), 2022. С. 60–76.

Право мирного прохода и его страновые интерпретации

Для понимания режима судоходства через Тайваньский пролив также важно то, что для КНР, как мы уже упоминали выше, право мирного прохода через территориальное море для военных кораблей, в отличие от гражданских судов, всегда носит разрешительный харак-

тер. Эту позицию Китай на законодательном уровне оформил еще в 1958 г., затем китайская делегация отстаивала ее в ходе переговоров в рамках III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.), но безуспешно, вследствие того, что по этому вопросу превалировали интересы крупнейших военно-морских держав того времени, включая США и СССР, а также их союзников. При присоединении к Конвенции КНР выступила с декларацией, согласно которой:

«Китайская Народная Республика подтверждает, что положения Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, касающиеся мирного прохода через территориальное море, не ущемляют права прибрежного государства требовать, в соответствии со своими законами и правилами, от иностранного государства *получения предварительного разрешения или предварительного уведомления (выделено мною – Г.П.)* прибрежного государства для прохода своих военных кораблей через территориальное море прибрежного государства»¹.

В Законе КНР о территориальном море и прилегающей зоне 1992 года закреплено, что «для входа в территориальное море Китайской Народной Республики иностранные военные суда должны получить *разрешение (выделено мною – Г.П.)* правительства Китайской Народной Республики» (ст. 6)².

С одной стороны, Председатель III Конференции ООН по морскому праву Томми Кох в ходе переговоров настаивал: «Конвенция совершенно ясна в этом вопросе. Военные корабли, как и другие суда, имеют право мирного прохода через территориальное море, и военным кораблям нет необходимости получать предварительное согласие или уведомлять прибрежное государство»³. Безусловно, эту позицию поддерживает абсолютное большинство экспертов в области международного морского права. Некоторые страны, включая Германию и Нидерланды, еще при присоединении к Конвенции 1982 года выступили со специальными уточнениями относительно того, что право свободного прохода через территориальное море распространяется на все суда, в том числе и на военные корабли⁴.

С другой стороны, сегодняшняя практика тех или иных государств в этой сфере не является единой и универсальной. Так, в частности, примерно 40 государств настаивают либо на уведомительном¹,

¹ Аргентина, Гайана, Египет, Индия, Индонезия, Йемен (НДРЙ), Корея (Республика), Ливия, Мальта, Маврикий, Республика Сейшельские острова, Финляндия (до 1997 года), Швеция (до 1994 года), Хорватия. – См.: Roach J. Ashley, bert. Excessive Maritime Claims. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 250-251.

либо на разрешительном² порядке прохода иностранных военных кораблей через свое территориальное море. Тайвань, в частности, закрепил на законодательном уровне формулировку, согласно которой «иностранные военные или правительственные суда должны предварительно *уведомить* (выделено мною – Г.П.) соответствующие власти перед проходом через территориальное море Китайской Республики»⁵.

Суть противоречий в данной сфере связан с тем, что право мирного прохода напрямую связано с интересами крупнейшей военноморских держав. При этом же одновременно проход военных кораблей может рассматриваться как прямая угроза безопасности прибрежного государства. Соответственно, до сих пор существует определенная дилемма, касательно того, обладают ли военные корабли правом мирного прохода через территориальное море прибрежного государства. Некоторые считают, что право мирного прохода военных кораблей через территориальное море можно расценивать не как «право» само по себе, а как проявление доброй воли со стороны того или иного государства⁶.

Нам представляется, что право мирного прохода возникло в начале прошлого века одновременно с появлением института территориального моря. Оно признавалось всеми участниками международного сообщества и постепенно стало государственной практикой абсолютного большинства. Без всяких сомнений, закрепление этого права сначала в рамках Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года, а затем уже в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, было не чем иным, как кодификацией этого права, ставшей международным обычаем или же нормой международного обычного права⁷. Однако, единая государственная практика признания права мирного прохода через территориальное море действует лишь в отношении коммерческого/торгового судоходства, в то время как в отношении военных кораблей она до сих пор весьма разрозненна. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением зарубежных экспертов, непосредственно вовлеченных в проблематику Южно-Китайского моря, относительно того, что свободный проход военных кораблей через территориальное море прибрежного государства – пока не является устоявшейся нормой международного обычного права⁸.

² Албания, Алжир, Вьетнам, Бангладеш, Барбадос, Болгария (до 1987 года), Бирма, Германия, Гренада, Дания, Иран, Йемен (ИАР), Кабо-Верде, Камбоджа, Конго, Мальдивы, Малайзия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Филиппины, Польша, Румыния, Сомали, Шри-Ланка, Судан, Сирия. Ibid. P. 250-251.

Применительно к КНР этот вывод принципиально важен тем, что Пекин, являясь полноценным участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, мог бы считать, что США, не подписавшие и не ратифицировавшие данное международное соглашение, не могут «наслаждаться» теми её положениями, которые до сих пор не являются устоявшимися нормами международного обычного права и носят исключительно договорной характер! Так, например, действует Исламская Республика Иран по отношению к США, считая, что последние не могут пользоваться правом транзитного прохода через акваторию Ормузского пролива, так как эта конвенционная норма была новеллой в международном морском праве, пока еще не стала международным обычаем, а значит США, оставаясь вне рамок Конвенции, не могут рассчитывать на её использование⁹.

Однако, дело обстоит немного иным образом: США являются подписантами предшествующего международного соглашения – Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года¹⁰. В ней закреплено, что «суда всех государств, как прибрежных, так и не прибрежных, пользуются правом мирного прохода через территориальное море» (ст. 14(1)). Причем эта статья находится в той рубрике Конвенции 1958 года, которая называется «Правила, применяемые ко всем судам». В статье 23 прописано, что, «если какой-либо военный корабль не соблюдает правил прибрежного государства, касающихся прохода через территориальное море, и игнорирует обращенное к нему требование об их соблюдении, прибрежное государство может потребовать от военного корабля покинуть территориальное море». Эти формулировки напрямую свидетельствуют в пользу того, что у военных кораблей есть право мирного прохода через территориальное море.

Справедливости ради надо отметить, что уже тогда не все страны были согласны с таким режимом. Так, СССР выступил с заявлением, что Правительство СССР считает, что прибрежное государство обладает правом устанавливать разрешительный порядок прохода военных кораблей через свои территориальные воды. Таковую же позицию заняли: Болгария, Венгрия, Колумбия, Румыния.

Эта позиция Советского Союза была принципиальным образом видоизменена лишь после серии инцидентов в Черном море (1986-1988 гг.) между военными кораблями ВМФ СССР и ВМС США¹¹, когда 23 сентября 1989 г. было подписано Совместное заявление «Единое толкование норм международного права, регулирующих мирный проход» (Jackson Hole Agreement). В нем было зафиксировано, что

«все суда, включая военные корабли, вне зависимости от груза, вооружения или типа двигательной установки, в соответствии с международным правом пользуются правом мирного прохода через территориальное море, для которого не требуется ни предварительного уведомления, ни разрешения». Кроме того, стороны взаимно подтвердили, что ст. 19 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года «содержит исчерпывающий перечень видов деятельности, при осуществлении которых проход перестает быть мирным, а судно, проходящее через территориальное море и не осуществляющее ни один из этих видов деятельности, осуществляет мирный проход»¹².

В свете вышесказанного, практика Пекина по ограничению прохода военных кораблей через его территориальное море, хоть и имеет соответствующие страновые примеры³, является прямым искажением конвенционных норм, хотя и направлена на приоритетное обеспечение национальной безопасности в прилежащих акваториях. В свете норм и положений Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года другие страны, которых затронули подобного рода китайские ограничения, могут посчитать себя в праве действовать аналогичным образом в отношении военных кораблей ВМФ НОАК.

Попытки ограничения военно-морской деятельности

Китайские заявления насчет статуса Тайваньского пролива также напрямую увязаны с обвинениями в адрес США. Так, китайские эксперты, признавая права на проход через акваторию ИЭЗ, отмечают провокационность его характера со стороны зарубежных военных кораблей, что с их точки зрения подрывает мир и стабильность в Тайваньском проливе¹³, так как направлены на «поддержку тайваньских сепаратистов» и непризнание политики «одного Китая»¹⁴.

Бывший заместитель главного редактора Global Times Ху Сицзинь (Hu Xijin) высказался по этому вопросу предельно жестко:

«Причина, по которой Китай подчеркивает правовой статус Тайваньского пролива и отрицает его так называемый статус «международных вод», заключается в том, что американские военные корабли и военные самолеты слишком часто проводили там провокационные действия, которые серьезно нарушали суверенные права Китая. Согласно статистике, с начала 2019 г. по февраль этого года военные

³ Отметим, что не все вышеперечисленные страны действуют именно таким образом, некоторые из них лишь имеют такие ограничения на законодательном уровне.

корабли США проходили через Тайваньский пролив 38 раз. Все эти проходы являются вопиющими заявлениями о поддержке тайваньских властей и игрой мускулами против материка. Они абсолютно точно являются нарушением суверенных прав Китая.

В прошлом американские военные корабли редко проходили через Тайваньский пролив, и при проходе они практически ничего не предпринимали. Теперь же американские военные корабли проходят через Тайваньский пролив с большой частотой и заявляя о себе, рассматривая это как важный способ вмешательства... Именно США первыми предприняли провокации по изменению ситуации «статус-кво» в Тайваньском проливе, и для Китая неизбежен решительный ответ»¹⁵.

Такая риторика является не случайной и направлена на поддержание политики по регулированию военно-морской деятельности в пределах собственной ИЭЗ, используя для этого различную аргументацию: от защиты национальных интересов до использования исключительно «в мирных целях», включая осуществление полного контроля за морскими научными исследованиями, проведения политики в области «управления ресурсами» и защиты морской окружающей среды¹⁶.

При этом за последние годы китайские эксперты предприняли новую попытку разделить свободу судоходства в пределах ИЭЗ на две составляющие: в отношении гражданских (торговых) судов и военных кораблей¹⁷. В этой логике, военные корабли могут «наслаждаться» свободой судоходства исключительно в пределах открытого моря, а в пределах же ИЭЗ их проход и действия ограничены «мирным судоходством», то есть они не могут быть вовлечены в какие-либо виды военно-морской деятельности и должны уважать интересы КНР в области обеспечения национальной безопасности. В частности, Китай считает, что следующие действия в ИЭЗ со стороны иностранного государства имеют «враждебные намерения», хотя этот термин и не присутствует в тексте Конвенции 1982 г.:

- (1) осуществление военной разведки, что трактуется как «электронное вторжение» и угроза прибрежному государству;
- (2) плавание или полет военных судов или самолетов через траекторию движения судов или самолетов прибрежного государства;
- (3) осуществление военной деятельности или развертывание сил;
- (4) осуществление близкого наблюдения или имитация нападения; и
- 5) вход подводных лодок в ИЭЗ или проведение имитации нападения в ней без разрешения прибрежного государства¹⁸.

Страновые подходы

Китай не одинок в таких трактовках своих прав в пределах ИЭЗ. Еще несколько государств выступили с отдельными декларациями и оговорками при присоединении/ратификации Конвенции 1982 г. Среди них: Бангладеш, Бразилия, Эквадор, Индия, Малайзия, Пакистан, Таиланд, Уругвай и Кабо Верде¹⁹. Так, в частности, Индия заявила, что «Правительство Республики Индия понимает, что положения Конвенции *не разрешают* (выделено мною – Г.П.) другим государствам проводить в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе военные учения или маневры, в частности, связанные с применением оружия или взрывчатых веществ, без согласия прибрежного государства».

Бразилия заявила, что она понимает, что «положения статьи 301, которая запрещает «любую угрозу силой или ее применение против территориальной целостности или политической независимости любого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций», применяются, в частности, к морским районам, находящимся под суверенитетом или юрисдикцией прибрежного государства. Правительство Бразилии понимает, что положения Конвенции *не разрешают* (выделено мною – Г.П.) другим государствам проводить в исключительной экономической зоне военные учения или маневры, в частности те, которые предполагают использование оружия или взрывчатых веществ, без согласия прибрежного государства».

При этом были и прямо противоположные мнения и подходы (Германия, Великобритания, Италия и Нидерланды). В частности, Германия констатировала, что «в исключительной экономической зоне, которая является новой концепцией международного права, прибрежным государствам будут предоставлены права и юрисдикция, связанные с ресурсами. Все другие государства будут продолжать пользоваться свободой судоходства и пролета в открытом море и всеми другими международными законными видами использования моря. Эти виды использования будут осуществляться мирным путем, то есть в соответствии с принципами, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций. Поэтому осуществление этих прав не может быть истолковано как затрагивающее безопасность прибрежного государства или затрагивающее его права и обязанности по международному праву....В статьях 56 и 58 был установлен тщательный и

тонкий баланс между интересами прибрежного государства и свободами, и правами всех других государств... В частности, права и юрисдикция прибрежного государства в такой зоне *не включают права получать уведомление о военных учениях или маневрах или разрешать их* (выделено мною – Г.П.)»²⁰.

Эта позиция, безусловно, не только разделяется в США, но именно они выступают главными лоббистами этой точки зрения, в соответствии с которой «юрисдикция и контроль прибрежного государства над ИЭЗ ограничены вопросами, касающимися разведки, эксплуатации, управления и сохранения ресурсов этих международных вод. Прибрежное государство может также осуществлять в этой зоне юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений, имеющих экономическое назначение; над морскими научными исследованиями (с разумными ограничениями); и над некоторыми аспектами охраны морской среды. Соответственно, прибрежное государство не может необоснованно ограничивать или препятствовать осуществлению свободы судоходства в ИЭЗ и полётов над ней. Поскольку все суда и летательные аппараты, включая военные корабли и военные самолеты, пользуются свободой судоходства и полётов в этих водах и над ними, наличие ИЭЗ в районе военно-морских операций само по себе не должно вызывать оперативной озабоченности у командующего ВМС»²¹.

Правовые коллизии

Текст Конвенции 1982 г., конечно же, не лишен определенных пробелов, и проблематика осуществления военно-морской деятельности в пределах ИЭЗ – один и не единственный из них. Суть конфликта в этом случае обусловлена тем, что прибрежные страны имеют здесь определенные суверенные права и юрисдикцию, преимущественно ресурсного характера, но одновременно с этим в этих акваториях остальные страны также наделены 3 из 6 свободами открытого моря, включая свободу судоходства и полетов, но нигде в Конвенции не уточнено, насколько формат реализации этих свобод соответствует формату открытого моря, насколько эти свободы являются абсолютными²². Более того, нет ответа на вопрос: попадают ли те или иные виды военно-морской деятельности под формулировку ст. 58(1), где сказано, что в пределах ИЭЗ «все страны наделены другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря, относящимися к этим свободам, такими, как связанные с эксплуатацией судов, летательных аппаратов и подводных кабелей и

трубопроводов, и совместимыми с другими положениями настоящей Конвенции». Соответственно, остается вопрос: можно ли рассматривать те или иные военно-морские учения, маневры, испытания оружия, разведывательную деятельность именно как другие (!) правомерные с точки зрения международного права виды использования моря, связанные со свободой судоходства и полетов в пределах ИЭЗ?²³

Те или иные авторы уже давно указывали на то, что Пекин, в частности, запрещает сбор разведывательной информации в своей ИЭЗ, считая, что эта информация может быть использована в ходе вооруженного конфликта, а значит этот вид деятельности наносит непосредственный ущерб национальной безопасности страны²⁴. Хотя, с нашей точки зрения, как мы указывали в своих предшествующих работах, само понятие «исключительная экономическая зона» подразумевает, что прибрежные государства не наделены в ее рамках какой-либо компетенцией в сфере обеспечения безопасности. Однако, современное расширительное толкование понятия «безопасность» предполагает наличие таких её видов, как экономическая, продовольственная, экологическая. Их обеспечение также постепенно начинает рассматриваться как экономически детерминированное²⁵. Китай, например, доказывает, что использование гидролокаторов военными кораблями иностранных государств оказывает негативное воздействие на морских млекопитающих и состояние рыбных ресурсов в ИЭЗ КНР²⁶.

Томми Кох – Председатель III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) – касательно режима ИЭЗ и негативных тенденций в его рамках, отмечал, следующее: «Правовой статус исключительной экономической зоны был еще одним очень спорным вопросом на Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву... Некоторые прибрежные государства хотели бы, чтобы статус ИЭЗ приближался к правовому статусу территориального моря. Многие другие государства придерживались мнения, что права прибрежных государств в ИЭЗ ограничиваются эксплуатацией живых и неживых ресурсов и что толща воды должна рассматриваться так же, как и открытое море... Во-первых, ... мы согласились с тем, что ИЭЗ является ни территориальным морем, ни частью открытого моря, а является *suī generis*... Во-вторых, мы согласились, что ни одно государство *не может подчинить ИЭЗ своему суверенитету* (выделено мною – Г.П.)... Поэтому я обеспокоен тем, что в последние годы я обнаружил тенденцию со стороны некоторых прибрежных государств к ползучей юрисдикции, к стремлению утвердить свой суверенитет в ИЭЗ. Это, на мой взгляд, не соответствует намерениям тех из нас, кто согласо-

вывал этот текст, и не соответствует правильной интерпретации этой части Конвенции. Третий важный вопрос – это остаточные права и юрисдикции... Принадлежат ли они прибрежному государству или они принадлежат международному сообществу? ...некоторые прибрежные государства в последние годы утверждали мнение, что остаточные права и юрисдикции принадлежат прибрежным государствам. Эта позиция, на мой взгляд, не соответствует консенсусу, достигнутому в переговорной группе...»²⁷.

В Конвенции, действительно, неоднократно упоминается, что моря и океаны должны использоваться исключительно в мирных целях (Преамбула, ст. 88, 240, 301), однако, наиболее распространенная точка зрения состоит в том, что термины «мирное использование» и в «мирных целях» применительно к ИЭЗ означают использование этой морской зоны в целях, которые не представляют собой «угрозу силой или ее применение», что несовместимо с Уставом ООН. Наиболее существенная на сегодняшний день проблема заключается в том, что определенные виды разведывательной деятельности, прежде всего радиоэлектронная разведка, призванная вызвать ответную реакцию или же ответные действия со стороны того или иного прибрежного государства, могут рассматриваться как противоречащие положениям о «мирном использовании».

Тем не менее, можно полагать, что поскольку даже такие виды деятельности не являются угрозой применения силы, более целесообразно их рассматривать в рамках конвенционной формулировки ст. 58 (1), а именно - другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря²⁸. При этом очевидно, что термин «угроза силой или ее применение», прописанный в Конвенции 1982 г. (ст. 301), используется в ней по аналогии с Уставом ООН и означает ровно то же самое, а именно: попытка/намерение заставить другое государство предпринять или не предпринимать определенные конкретные действия, направленные против территориальной целостности или же политической независимости этого государства. Проблема, однако, заключается в том, что государства часто используют этот термин в более широком смысле, обычно в неюридических, риторических контекстах, а не в строго юридическом смысле²⁹.

Попытки согласования позиций

Попытка согласовать противоположные интересы различных государств относительно осуществления различных видов военно-морской деятельности, прежде всего в регионе Юго-Восточной Азии,

была предпринята Японией в начале 2000-х гг. В рамках представленного документа³⁰ был выработан своеобразный консенсус.

Во-первых, было зафиксировано, что при осуществлении свободы судоходства и полетов в пределах ИЭЗ нельзя наносить ущерб миру, доброму порядку и безопасности прибрежного государства, а также мешать реализации его прав по защите морской среды, и управлению ресурсами. При этом прибрежному государству разрешалось ограничивать свободу судоходства в тех или иных районах ИЭЗ *на временной основе* (выделено мною – Г.П.), если проходят военно-морские учения и испытания оружия, или же здесь расположены крупные рыболовные угодья.

Во-вторых, было зафиксировано, что корабли и летательные аппараты государства, осуществляющего военную деятельность в ИЭЗ другого государства, обязаны использовать океан только в мирных целях и воздерживаться от угрозы силой или ее применения или провокационных действий, таких как «стимулирование» оборонительных систем прибрежного государства; сбор информации для поддержки применения силы против прибрежного государства. При намерении провести крупные военные учения в ИЭЗ другого государства, они должны информировать прибрежное государство и другие стороны посредством своевременного навигационного предупреждения о времени, дате и районах, задействованных в учениях, и, если возможно, пригласить наблюдателей из прибрежного государства для наблюдения за ними.

Кроме того, отмечалось, что военная деятельность государства в ИЭЗ другого государства не должна включать в себя развертывание систем, которые наносят ущерб обороне или безопасности прибрежного государства, или же ставят под угрозу право прибрежного государства на защиту и управление своими ресурсами и окружающей средой. Военная деятельность государства в ИЭЗ других государств не должна приводить к загрязнению или негативно влиять на морскую среду или морские живые ресурсы, включая млекопитающих. В частности, если это запрещено законами прибрежного государства, такая деятельность в ИЭЗ прибрежного государства не должна включать стрельбу из боевого оружия, подводные взрывы или создание звуковых волн, а также использование опасных или радиоактивных материалов, которые могут прямо или косвенно причинить вред морской жизни или вызвать загрязнение моря.

Отдельно было отмечено, что деятельность другого государства в ИЭЗ прибрежного государства не должна вмешиваться в связь, ком-

пьютерные и электронные системы прибрежного государства или осуществлять «передачи», которые негативно влияют на оборону или безопасность прибрежного государства. Прибрежное государство не должно вмешиваться в связь, компьютерные и электронные системы судов или летательных аппаратов другого государства, осуществляющих свободу судоходства или пролета в ИЭЗ прибрежного государства или над ней.

В-третьих, рекомендовалось, чтобы те государства, которые имеют свое собственное законодательство в отношении военной деятельности в ИЭЗ должны сделать его максимально прозрачными и широко известными, в том числе военным властям других государств, которые часто осуществляют судоходство в их ИЭЗ. Военные суда и летательные аппараты государства, осуществляющие свободу судоходства и полета в ИЭЗ другого государства, должны соблюдать и выполнять законодательство прибрежного государства на основе доброй воли или даже в случае протеста.

К сожалению, несмотря на участие в подготовке этого рекомендательного (!) документа представителей американского экспертного сообщества, в частности профессора права Гавайского университета Джона Ван Дайка, он не был поддержан американским политическим и военным руководством. Вероятная причина – он в большей степени отвечал интересам КНР и других региональных государств, нежели интересам США, которые, вероятно, воспринимали его как невозможный компромисс, свидетельствующий об отходе от изначальных позиций Вашингтона.

Подводя итоги, следует констатировать, что Пекин старается максимально ограничить проход военных кораблей иностранных государств, прежде всего США, через акваторию своего территориального моря, а также лимитировать проведение тех или иных видов военно-морской деятельности в пределах исключительной экономической зоны. Это касается всех не только Тайваньского пролива, но и других акваторий, на которые распространяется суверенитет, суверенные права и юрисдикция Пекина, включая морские зона вокруг спорных островов Южно-Китайского моря. При этом позиция Пекина по этим вопросам зачастую была сформирована еще многие десятилетия назад и осталась неизменной вплоть до сегодняшнего времени. Умело апеллируя к экологической риторике, проблематике защиты живых ресурсов, необходимости использовать воды Мирового океана исклю-

чительно в мирных целях, недопустимости угрозы силой или ее применения в нарушение Устава ООН, Китай ведет борьбу за трансформацию того правового порядка, который был закреплен в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 в угоду своим национальным интересам в области обеспечения приоритетного уровня безопасности. С одной стороны, это вызывает законные возражения со стороны крупнейших военно-морских держав (США и их союзников), с другой стороны все более становится очевидным, что некоторые виды деятельности (например, радиоэлектронная разведка) действительно могут рассматриваться как предельно провокационные и ведущие к неизбежной реакции со стороны прибрежного государства. В этой связи пока не сформирован международный консенсус, хотя такие попытки осуществлялись, но к сожалению – безуспешно. Значительная часть западных экспертов продолжает считать политику Пекина несовместимой с нормами и положениями международного морского права. Меньшая их часть соглашается с тем, что те или иные навигационные свободы не только в отношении военных кораблей, но и нефтяных танкеров, судов с опасными грузами, рыбопромысловых судов, могут быть ограничены в том числе в пределах ИЭЗ. Это приводит к выводу о том, что сегодня свобода судоходства в ИЭЗ существует не в тех масштабах, в каких она есть в пределах акватории открытого моря. Несмотря на то, что это крайне негативная тенденция, те же американские эксперты с сожалением отмечают, что баланс между судоходством и другими национальными интересами продолжает развиваться, и навигационные свободы, похоже, исчезают в ходе этого эволюционного процесса³¹. Это напрямую касается как Южно-Китайского моря в целом, так и Тайваньского пролива, в частности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, руководитель Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

МИШИН Игорь Олегович, младший научный сотрудник Группы исследований политики США и союзников в Мировом океане Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel A. GUDEV, Ph.D. (Historical Sciences), Head of Group, Leading researcher at the Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Igor O. MISHIN, Junior Researcher, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 25.10.2022;
одобрена после рецензирования 02.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 25.10.2022;
approved 02.11.2022;
accepted to publication 30.11.2022.

¹ Declarations and Reservations. China URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec

² Law on the Territorial Sea and the Contiguous Zone of 25 February 1992 URL: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/CHN_1992_Law.pdf

³ Цитата по: China's Excessive Maritime Claims. Office of the Staff Judge Advocate. 97 INT'L L. STUD. 18 (2021). P. 21 URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2941&context=ils>

⁴ Declarations and Reservations. Germany, Netherlands URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec

⁵ Law on the Territorial Sea and the Contiguous Zone of the Republic of China URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A000009>

⁶ Более подробно см.: Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО, 2014. С. 39-47.

⁷ Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // *Государство и право*. 2012. №6. С. 78-89; Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // *Московский журнал международного права*. 2012;(2):С. 5-29. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-2-5-29>

⁸ Zou Keyuan. China's Maritime legal System and the Law of the Sea. Brill, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 71.

⁹ Гудев П.А. Политико-правовые аспекты американо-иранского противостояния в Ормузском проливе и прилежащих к нему акваториях: правовые интерпретации // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. №2. С. 161-176.

¹⁰ Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf

¹¹ «Black Sea Bumping Incident». См.: Kraska J., Pedrozo R. 2013. International Maritime Security. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 257.

¹² 1989 USA-USSR Joint Statement on the Uniform Interpretation of Rules of International Law Governing Innocent Passage. Adopted in Wyoming, USA on 23 September 1989 URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/formidable/18/1989-USA-USSR-Joint-Statement-with-Attached-Uniform-Interpretation-of-Rues-of-International-Law-Governing-Innocent-Passage.pdf>

¹³ Zhang Xinjun. International Law and the Passage of Foreign Warships through the Taiwan Strait // South China Sea Strategic Situation Probing Initiative. 8.11.2021 URL: <http://www.scspi.org/en/dtfx/international-law-and-passage-foreign-warships-through-taiwan-strait>

¹⁴ Li Huan. Legal Status of the Taiwan Strait // China-US Focus. June 30, 2022 URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/legal-status-of-the-taiwan-strait>

¹⁵ China stresses legal status of Taiwan Straits to deter US provocation // *Global Times*. June 14, 2022 URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268098.shtml>

¹⁶ Pedrozo R. Military Activities in the Exclusive Economic Zone: East Asia Focus. U.S. International Law Studies. Naval War College. Vol.90. 2014 URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1010&context=ils>

¹⁷ China's Excessive Maritime Claims. Office of the Staff Judge Advocate. Vol. 97. 2021. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2941&context=ils>

¹⁸ Hayashi M. Military and intelligence gathering activities in the EEZ: definition of key terms // *Marine Policy*, Volume 29, Issue 2, 2005, Pages 123-137, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2004.08.006>.

¹⁹ Declarations and Reservations (Unless otherwise indicated, the declarations and reservations were made upon ratification, formal confirmation, accession or succession.) URL:

https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtmsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtmsg3&clang=_en

²⁰ Declarations and Reservations (Unless otherwise indicated, the declarations and reservations were made upon ratification, formal confirmation, accession or succession.) URL:

https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtmsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtmsg3&clang=_en

²¹ The Commander's Handbook on The Law of Naval Operations. Edition August 2017. Department of the Navy Office of the Chief of Naval Operations Headquarters, U.S. Marine Corps Department of Homeland Security and U.S. Coast Guard. Part 2.6.2. P. 2-9. URL:

<https://www.hsdl.org/?view&did=806860>

²² Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО, 2014. С. 58-67.

²³ Exclusive Economic Zone. (2017). In A. Proelss (Ed.). United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary (pp. 408–586). München: Nomos Verlagsgesellschaft. Retrieved October 13, 2022.

²⁴ Klein N. Maritime Security and the Law of the Sea. N.-Y.: Oxford University Press, 2011. P. 217-220.

²⁵ Kraska J. Maritime Power and the Law of the Sea. Expeditionary operations in World Politics. N.-Y.: Oxford University Press, 2011. – P. 267; Hayashi M. Military activities in the Exclusive Economic Zones of foreign coastal states // The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas. Ed. by D. Freestone. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – P. 128.

²⁶ Klein N. Maritime Security and the Law of the Sea. N.-Y.: Oxford University Press, 2011. P. 46-54; 88-97; Kraska J. Maritime Power and the Law of the Sea. Expeditionary operations in World Politics. N.-Y.: Oxford University Press, 2011. P. 302-304, 350-351.

²⁷ Koh, Tommy T. B., John Norton Moore, Myron H. Nordquist, and Tommy T. B. (Tommy Thong Bee) Koh. "Freedom of Seas, Passage Rights and the 1982 Law of the Sea Convention." Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. Pp. 53-55.

²⁸ Hayashi M. Military and intelligence gathering activities in the EEZ: definition of key terms // Marine Policy, Volume 29, Issue 2, 2005, Pages 123-137, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2004.08.006>.

²⁹ Hayashi M. Military and intelligence gathering activities in the EEZ: definition of key terms // Marine Policy, Volume 29, Issue 2, 2005, Pages 123-137, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2004.08.006>.

³⁰ Guidelines for Navigation and Overflight in the Exclusive Economic Zone. Ocean Policy Research Foundation. Tokyo, 26.09.2005 URL:

<https://nippon.zaidan.info/seikabutsu/2005/00816/pdf/0001.pdf> (дата обращения: 11.10.2022)

³¹ Van Dyke, J.M. The disappearing right to navigational freedom in the exclusive economic zone, Marine Policy, Volume 29, Issue 2, 2005, P. 107-121, ISSN 0308-597X, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2004.08.004>.